

В 1907 году Анри наконец получил место преподавателя в Сорбонне и стал читать курс физической химии с приложениями к химии и биологии; в Париже вышел его учебник. Теперь он изучал коллоиды с помощью спектрального анализа, используя инфракрасное, ультрафиолетовое и рентгеновское излучение. Вокруг Анри сложилась группа, занимающаяся фотохимией, точнее — исследованием химического и биологического воздействия излучения и возможным его применением в технике и промышленности. В эту группу входили и сотрудники Института Пастера — ученики Мечникова. Там Анри встретил румынку Полин Черноводяну (*Pauline Cernovodeanu*), ставшую его второй женой (Известно, что в 1905 — 1906 годах она училась у Э. Ру и И. И. Мечникова). В 1910 году они поженились, а на следующий год Анри вновь отправился в Германию — на этот раз в Йену, в Фонд Карла Цейса, чтобы освоить необходимую для работы по фотохимии технику микроскопического исследования. И все же его тянуло к прежним своим занятиям, и в 1912 году он написал в соавторстве с другим сотрудником Бине, швейцарцем Ж. Ларгье де Банселем, статью о законах психофизики.

В 1913 году Анри получил место заместителя заведующего физиологической лабораторией в Высшей школе практических исследований (*École pratique des hautes études*). Он продолжал заниматься спектральным анализом органических соединений, — например, гемоглобина; перед ним открывались интересные перспективы изучения фотосинтеза. Оборвала их война. Она же заставила Анри вспомнить о России. Впрочем, о ней он никогда не забывал, как не забывали и его в России. Анри часто приезжал на родину, хотя визиты эти омрачались сознанием того, что здесь он — незаконнорожденный. А. А. Крылова-Капица вспоминала:

Мы Виктора все очень любили, очень хорошо знали, он постоянно приезжал в Россию. Но я как-то нашла его старое письмо, где он пи-

шет, как ему тяжело, что он незаконный сын (Цит. по: Зотиков И. Три дома Петра Капицы...).

С началом войны Анри стал работать на оборону Франции по программе, связанной с отравляющими газами и противогазовой защитой. В сентябре 1915 года он испросил у французского правительства командировку в Россию, чтобы проинформировать российских коллег об этой работе и помочь им реорганизовать химическую промышленность в военных целях.

В России при Главном артиллерийском управлении был создан Химический комитет, который возглавил член-корреспондент Академии наук В. Н. Ипатьев; комитет курировал работу двух сотен военных заводов, включая производство противогазов. Анри также мог сотрудничать с Русским физико-химическим обществом, основанным в 1916 году Ипатьевым и Н. С. Курнаковым. Общество организовало экспериментальный завод, где разработанные в лаборатории технологии превращались в схемы массового производства. Приглашение могло исходить также от П. П. Лазарева — наиболее близкого Анри по интересам ученого — одного из создателей биофизики в нашей стране, автора ионной теории возбуждения, работ по психофизике и оптике. Во время войны Лазарев стал заниматься, в частности, вопросами маскировки, а с 1917 года заведовал физической лабораторией Высшей школы военной маскировки Красной Армии.

Так или иначе, в 1915 году Анри вместе с женой Полин появился в Москве и быстро восстановил контакты с российскими коллегами. Чета Анри приходила и на colloquiums Н. К. Кольцова; их участник М. М. Завадовский вспоминал:

Изящно одетые, они выглядели иностранцами. Мужчина — худощавый брюнет среднего роста, не молодой, но очень хорошо сохранившийся [...] Женщина — красивая седящая брюнетка — его жена.

У Анри, по словам мемуариста, был слабый, даже писклявый голос, но этим голосом он читал образцово ясные лекции: